

ПРОГУЛКА ПО ТРОТУАРУ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА*

Ф. В. Булгарин

Wer geht, sieht im Durchschritt anthropologisch und kosmisch mehr, als wer fährt... Fahren zeigt Ohnmacht, gehen Kraft. Schon deswegen wünschte ich nur selten zu fahren, und weil ich aus dem Wagen keinen Armen so bequem und freundlich einen Groschen geben kann. Wenn ich nicht mehr anweisen Armen einen Groschen geben kann so lass mich das Schicksal nicht lange mehr leben.

Seume

Кто идет пешком, видит гораздо более, в нравственном и физическом отношении, нежели тот, который едет... Ехать означает слабость, идти пешком – силу. Я желаю как можно реже ездить даже потому, что из экипажа не могу так удобно и дружески подать бедному несколько копеек. И пусть лучше судьба сократит жизнь мою, нежели доведет до того, чтобы я был не в состоянии подать иногда бедному несколько копеек.

Зейме

“Куда ты идешь?” – спросил меня Горев.

“Прогуливаться по Невскому проспекту” – отвечал я.

“Почему ж не в другом месте?”

“Потому, что Петербург почитается одним из лучших городов в мире, а Невский проспект лучшей улицей в Петербурге, следовательно, одною из лучших в свете”.

“Правда, – сказал Горев, – что Невский проспект, а особливо левая сторона его, т. е. противоположная Гостиному двору, представляет единственное в мире зимнее гулябище. Широта тротуара, чистота одного, те-

* Все постраничные примечания принадлежат автору.

плота от отражения лучей, и, наконец, скамьи для нас, стариков, – все это прекрасно и бесподобно. Но я не люблю толпы людей, которые теснятся и толкают друг друга без всякой причины, и спешат, не зная куда и за чем”.

“Это стечение людей меня именно привлекает, – сказал я, – и потому, исключая время морозов и ненастья, я всякий день приветствую взорами моими стрелку на городской башне, при перехождении оной от второго до четвертого часа”.

“Не понимаю, – возразил Горев, – как можно находить удовольствие в толпе незнакомых людей, и терпеливо сносить толчки для того только, чтоб иметь наслаждение ходить без дела взад и вперед. Совсем иное было у древних греков и римлян, которые с утра до вечера теснились на площадях, но там рассуждали о политике, о делах государственных и о философии, – а мы идем на гульбище за тем, чтобы показать искусство нашего портного, посоветоваться с приятелями, где бы вместе пообедать или провести вечер, и чтобы кланяться всем случайным людям, для удостоверения наших заимодавцев и кандидатов в заимодавцы о наших сильных связях, и о нашем могуществе. Суета!”

“Все это отчасти правда, – сказал я, – но неужели ты думаешь, что древние ходили на площади, как в школу, учиться политике и философии?”

Поверь, любезный друг, что древние, по большей части, были такие же ветреники, как и мы, новые, и тогда, как их мудрецы степенничали под портиками и преподавали стоическую философию, их женщины, подобно нашим дамам, плакали о смерти любимой собачки, и смеялись разорению мужей, а мужчины предавались отчаянию от немилости вельможи и хладнокровно смотрели на несчастья отечества. В числе многих наших преимуществ над древними, главное есть то, что мы гораздо откровеннее их в словах, поступках, и даже не стыдимся делать такие вещи, о коих прежде не смели говорить без краски в лице! Но это посторонний предмет, обращаюсь к нашему: ты по самым безделицам можешь судить об откровенности нашего века. У нас, например, никто теперь не скажет, что он идет на тротуар Невского проспекта поговорить о политической экономии или о военных происшествиях: всякой признается с первого слова, что он идет *людей посмотреть и себя показать*. Я уверен, что и древние ходили за сим же важным делом на свои площади, но только прикрывали ничтожность своих намерений благовидными предложениями. Поверь, что с их ораторами, софистами и философами, было то же, что и с нами, журналистами. Бедные мудрецы изнемогали от усталости, чтобы объяснять и доказывать своим согражданам полезные истины, а граждане, стоя вокруг портиков, разговаривали между собою

об обрезанном хвосте алкивиадовой собаки, о бегунах Гиппия, о прекрасном стане танцовщицы Гликерии, о фалернском вине Лукулла. Точно также и мы, бедные журналисты, пишем, пишем, а наше писание столько же занимает наших соотечественников, как любопытное известие о бывшем недавно сильном ветре на берегах Чермного моря. Люди всегда будут людьми; природа упрямее наших политиков, и не так легко изменять свои законы. Мне даже кажется, что посредством математики можно узнать по числу глупостей нынешнего дня, сколько глупостей было сделано в Риме или в Александрии в этот же день ровно за две тысячи лет”.

“Судя по твоим речам, – сказал Горев, – ты, кажется, имеешь не весьма выгодное мнение о роде человеческом”.

“Напротив того, – возразил я, – никто более меня не любит человечества, не взирая на то, что я имею сильные причины жаловаться на людей. Я люблю род человеческий со всеми его пороками и добродетелями, и даже уверен, что в природе человеческой находятся оные в совершенном равновесии между собою. Однако ж любовь моя к человечеству, точно так, как ртуть в термометре, понижается или возвышается в моем сердце, по мере колебания весов добра и зла. Эгоизм людей приводит любовь мою на точку замерзания; неблагодарность ниже; жестокосердие еще ниже; неправосудие еще ниже; коварство и зависть еще ниже, и так далее. Зато блестящие стороны человечества согревают термометр моего сердца, как будто в счастливой Аравии. Любовь к человечеству, сострадание, правосудие, великодушие и другие добродетели быстро приводят кровь мою в волнение, и мой сердечный термометр едва не лопается от жару. Правда, что последнее обстоятельство не весьма часто случается, однако ж и не столь редко, чтоб мне сделаться мизантропом”.

Разговаривая таким образом, мы пришли на тротуар Невского проспекта и уселись на железной скамье, чтобы посмотреть на толпу гуляющих, и вместе с тем насладиться теплотой солнечных лучей, которые в Петербурге также редки, как ананасы.

“Познакомь меня с публикою, – сказал Горев, – ты верно многих знаешь, посещая всякой день это гульбище”.

“Знаю по наружности, по приемам и по слухам, – отвечал я, – и готов поделиться с тобою моими сведениями. Видишь ли ты этих трех щеголей, быстро стремящихся сквозь толпу, с довольным видом и разбегающимися кругом взорами? Это триумвират законодателей моды, из коих один – богач с *минусом*¹ играет ролю Октавия или первоприсутст-

¹ Смotr. № 1 “Литературных листков”.

вующего. По счастью, у нас большая часть молодых людей занята военной или гражданской действительною службою и потому эта модная магистратура не имеет большого числа подчиненных. У нас нет особенного сословия, составленного из юношей, которых французы называют петиметрами, а англичане – фашонебль (fashionable). Здесь круг молодых празднотворцев заключается в весьма тесных пределах, и едва ли составит две дюжины, включая в это число и старых вертопрахов. Всё их занятие состоит в делании из себя копий парижских модных картинок, в притуплении французских острых слов, и в повторении испарившихся каламбуров”.

“Но как же их принимают в обществах?” – спросил Горев.

“Очень хорошо, – отвечал я, – особенно в тех домах, где по числу лошадей встречают, а по числу душ провожают.² Они нужны для умножения визитных карточек с звонкими именами, для увеличения числа карет перед крыльцом, наконец для того, чтобы их пустословием наполнить промежуток времени между картами, танцами и ужином, и занять интервалы³ в мазурках, экосезах и французских кадрилиях”.

Бал. Сепия из альбома. 1820-е гг.

² В старину говорили: по платью встречают, а по уму провожают. Другие времена, другие нравы.

³ Интервал есть военный термин, означающий порожнее место между рядами, шеренгами и пр.

“Важные люди!” – воскликнул Горев.

“Поверь, любезный друг, что как в нравственном мире, так и в физическом, ничего нет ненужного. Например, люди, о которых мы теперь говорим, суть то же в составе общества, что мадрепоры⁴ в естественной истории”.

“Я бы их во всем извинил, – сказал Горев, – но мне досадно, когда я вижу среди белого дня на улице, в столице торжествующей России, русских дворян, коверкающих без всякой нужды французский язык, чтобы сказать встречному и поперечному несколько общих речений о состоянии термометра или о вчерашнем бале. Скажи, пожалуйста, неужели они стыдятся показаться в публике русскими и презируют отечественный язык потому, что этим языком говорят в Гостином дворе?”

“Они так глубоко не рассуждают, – отвечал я, – но вот истинная причина этого несносного полуфранцузского болтанья. Кто говорит по-французски, того с первого слова почитают человеком *воспитанным*, принадлежащим к высшему сословию. Здесь подразумевается, что его родители были в состоянии платить тысячи по две в год в каком-нибудь

Денди на балу. Карикатура из альбома М. П. Загоскина. 1820-е гг.

⁴ Мадрепоры – животное-растения: звено, соединяющее в цепи существ царство животных с царством прозябаемых.

пансионе за его *прокормление*, или содержать залетного иностранца у себя в доме. Это у нас называется *воспитанием*, и человек, который говорит только по-русски, хотя он знает вдвое более, нежели весь модный свет с его многоязычием, называется просто *умным мужчиной*, а пустомеля, при всяком случае говорящий глупости по-французски, называется человеком *воспитанным*”.

“Соглашаюсь с этим, – сказал Горев, – если станем производить слово воспитание от *пищи, питания*. Я полагаю, – продолжал он, – что это французское лепетание между русскими можно уподобить почтовому колокольчику. Раздается звон, почтальоны выбегают, ожидают богатого экипажа – и является пустая телега”.

“Можно сделать и другое сравнение, – возразил я. – Дети, оставленные в темноте, поют и кричат, чтобы разогнать свой страх. Наши *воспитанные* для того начинают разговор французскими фразами, чтобы другие подумали, что у них есть ум, и что они кое-чему выучились во время своего *воспитания* или *воскормления*”.

“Тебя уже упрекали однажды, – сказал Горев, – что ты, жалуясь на злоупотребление французского языка, повторяешь сказанное в старых журналах ‘Живописец’ и ‘Собеседник’: смотри, чтобы тебя не подслушали”.

“Пожелал бы я и моим *возражателям* повторить *многое*, но...”

“*Но*, – возразил Горев, – великое слово для современников и ничтожное для потомства, пред коим исчезнут все приличия, связи и прочие причины к молчанию. *Но*, ты кажется не любишь *отступлений* или *эпизодов*, а между тем сам отдаляешься от своего предмета, и я боюсь, чтобы на тротуаре не вздумали проповедовать о воспитании и любви к отечественному языку”.

“Любезный друг! – отвечал я. – Вся жизнь человеческая наполнена *отступлениями* от истинной цели. Человека можно уподобить книге: *звание* его или *сословие*, к которому он принадлежит в обществе, есть то же, что *заглавие*, наружность – *предисловие*, а поступки – *содержание*. Воин, судья, литератор, купец, холостой или женатый, супруга и мать, – не обязаны ли исполнять в точности своих обязанностей, соответственно своему *заглавию*? Но что мы видим? Три четверти целого *сочинения* почти всегда наполнены *отступлениями*. Не дай Бог никому из посторонних лиц играть ролю в этих *эпизодах*, особенно в *судейских*!”

В это время приблизился старый мой сослуживец, ротмистр Добров, с своею молодою супругою, и пригласил меня прогуляться вместе с ними. Здесь я должен сделать снова маленькое *отступление* и познакомить

моих читателей с этим благородным семейством. Г. Добров *воспитывался* в родительском доме, а *учился* в Московском университетском благородном пансионе, которому Россия и человечество обязаны столь многими почтенными мужами. Избрав военное поприще, г. Добров служил с честью до тех пор, пока раны, понесенные за отечество, не принудили его выйти в отставку. По счастью, родители его были не охотники до балов, праздников, мебели и экипажей, и потому сберегли себе порядочное имение (состояние - А. К.), доставившее ему независимый жребий в свете. Занимаясь науками, и проводя время в кругу малого числа людей образованных, Добров не думал о женитьбе. Нечаянный случай решил его участь. В Москве был он приглашен одною из своих родственниц присутствовать на экзамене в женском пансионе, содержимом *ученою* французенкою. Наружность одной девицы, назначенной к выпуску, пленила его. Она получила все первые призы за науки, но в аттестате нравственности оставалось порожнее место, и мадам сказала за тайну родственнице г. Доброва, что прекрасная Эмилия несколько упряма и насмешлива. Это, однако ж, не охладило любви Доброва, и он, познакомившись в доме опекуна Эмилии, вскоре приобрел ее взаимность, а подписав, не читая, квитанцию опекуну за управление ее имением, снискал и его согласие. Женившись, Добров удостоверился, что его жена обладала качествами совершенно противоположными аттестатам своего пансиона. Она имела самый покорный характер, веселый нрав, но отнюдь не насмешливый, и зато, кроме французского языка, совершенно ничего не знала. Исторические ее познания ограничивались несколькими названиями древних царей, географическими наименованиями рек, морей и главных городов, и то с французскими окончаниями, – одним словом, прекрасная Эмилия, получившая на экзамене первые призы за науки, не имела никакого обонных понятия, хотя знала более других пансионеров, имея лучшую память. Г. Добров хотел осведомиться о причине сих несообразностей, и жена объяснила ему эту загадку в коротких словах. Содержательница пансиона, совершенная невежда, но женщина сварливая и надменная, завела пансион единственно в той цели, чтобы *повелевать*, и иметь случай с кем-нибудь *ссориться*, потому что муж ее, по роду своих занятий, весьма редко оставался дома. Вся наука в сем пансионе заключалась в беспрестанном повторении великого правила: *Tenez vous droit et parlez Français* (держитесь прямо и говорите по-французски). Вся нравственность состояла в том, чтобы удерживаться от смеху, когда мадам делала глупости и ворожила по горению свечи и проч. – будут ли деньги? Наконец г-жа Доброва устыдилась сама своего невежества, и под руководством своего мужа начала учиться русскому языку, отечественной истории, географии и другим необходимым для благовоспитанной жен-

щины наукам. Любопытство ее возрастало по мере приобретения сведений, и она очень любила разговаривать об истории и словесности.

“Вы должны мне рассказать краткую историю Невского проспекта, – сказала мне г-жа Доброва, – потому что не зная окружающих меня предметов, брожу я среди великолепных зданий, как в лесу”.

“Охотно, сударыня, но с чего начать?”

“С начала, т. е. скажите мне, что здесь было до построения Петербурга?”

“Лес, чрез который *император Петр Великий* велел прорубить широкую дорогу, длиною в четыре версты, в то самое время, когда строили *Александрово-Невскую лавру*.⁵ После того, посреди дороги посажены были в четыре ряда деревья, и эта аллея получила название Невского проспекта. Пленные шведы содержали оную в чистоте, и две триумфальные арки, построенные в аллее, возвещали надменным врагам о вечном водворении русских в стране, ознаменованной победами Александра Невского с храбрыми новгородцами.

Где ныне возвышается великолепный Гостиный двор, тут была прекрасная березовая роща, предназначенная для публичного гульбища. Но когда начали строить на Невском проспекте домики, в суете и суматохе, случающихся обыкновенно при быстром построении города, роща и деревья, оставленные по обеим сторонам улицы, были вырублены, не взирая на запрещение *Петра. Государь* чрезвычайно этим огорчился, и указом⁶ определил разыскать и строго наказать виновных, но по предстательству *императрицы Екатерины I* смягчил справедливый свой гнев”.

“Где же в то время был Гостиный двор?”

“На Петербургской стороне, близ Троицкой церкви. Он был двухэтажный из дерева и кирпича,⁷ таким образом, как ныне строятся дома в Пруссии. Там же была деревянная ратуша. Наконец, когда число жителей начало умножаться на Адмиралтейской стороне, большая часть купцов перенесла свои лавки на Мытный двор,⁸ у тогдашнего *Зеленого*, а нынешнего *Полицейского* моста, где теперь находится дом г. Косиковского. Это было огромное каменное четверугольное здание, имевшее около ста с небольшим лавок.

⁵ В 1713 году.

⁶ 9 февраля 1720 г.

⁷ Построен в 1713 г.

⁸ Построенный в 1719 году.

Во время бывшего в 1736 году пожара, превратившего в пепел более тысячи домов, сей Гостиный двор сгорел, а в следующем году, на том месте, где была березовая роща, построили деревянный, который при императрице *Екатерине II* сломан и заменен каменным. Здесь хранятся несметные сокровища в магазинах, находящихся внутри двора, из коих товары отпускаются оптом в разные российские города. Это средоточие внутренней торговли, и Вы ошибетесь, если будете полагать, что богатство купцов состоит в том, что выставлено в лавках. Лавки в Гостином дворе служат единственно вместо вывесок или образчиков (*échantillons*).

На том месте, где сгорел прежний Гостиный двор, знаменитый архитектор, граф Растрелли, по повелению императрицы *Елисаветы Петровны*, построил в 1755 году деревянный *Зимний Дворец*. Здесь жила Елисавета, приезжая в столицу из Царского Села, и здесь кончила она свое земное поприще. Императрица *Екатерина II*, будучи Великою княгиней, весьма часто проводила уединенные свои часы в сем дворце, занимаясь науками и изучением русского языка.

Вид Гостиного двора. 2-я половина XVIII века.
Клеймо из карты Санкт-Петербурга

В 1762 году сей дворец сломан и часть места подарена тогдашнему генерал-полицеймейстеру генералу Чичерину, который построил здесь великолепный дом, принадлежавший впоследствии князю А. Б. Куракину, после того – коммерции советнику Перетцу, наконец достался нынешнему хозяину. В начале царствования *императора Александра I* в сем доме находилось Музыкальное собрание, род клуба, в коем были членами все знатнейшее дворянство. Блестящие балы, посещаемые Августейшею Императорскою фамилиею, служили средоточием удовольствий лучшего общества, и разливали веселость на всю столицу. Тогда молодому человеку, или отцу семейства, не надлежало знакомиться в пятидесяти домах, чтобы блеснуть самому или доставить случай дочерям своим отличиться ловкостью и приятностию. С уничтожением Музыкального собрания, исчезло последнее убежище общественных забав, и молодой благовоспитанный человек должен терять половину жизни на этикетные визиты, чтобы иметь удовольствие танцевать на званом бале”.

“Но зачем же здешнее богатое дворянство и чиновники не составят Дворянского собрания, наподобие московского?”

“Без сомнения, это было бы очень хорошо и оживило бы столицу, и может быть со временем все это устроится. А ныне Петербург есть одна столица в мире, не имеющая публичных забав для высшего класса общества”.

“Вот дом, припоминающий мне приятные дни моей юности – сказал г. Добров, указывая на величественное здание, принадлежащее роду Строгановых. – Я помню, когда при жизни покойного графа Александра Сергеевича собиралось здесь лучшее общество, отличные литераторы и художники.⁹ Дарование было первое право на знакомство, и личное достоинство всегда предпочиталось случайным преимуществам”.

“Это был истинный храм гостеприимства и вкуса, – сказал я, – здешняя картинная галерея почитается одною из первых между частными”.

“Я бы желала видеть оную и читать описание”, – сказала г-жа Доброва.

“Это весьма нетрудно, – отвечал я, – что же касается до описания галереи, то Вы можете удовлетворить Ваше любопытство сегодня же, прочитав...”

“Верно в ‘Отечественных записках’?” – возразила она.

⁹ Как и ныне.

“Нет, в особо изданном подробном каталоге,¹⁰ – отвечал я, – но если Вы вздумаете осматривать редкости, находящиеся в сем доме, то не забудьте минералогического кабинета, драгоценного собрания греческих и римских древностей, из коих многие найдены в Сибири, и, наконец, богатой библиотеки и эстампов. Большая часть всех сих сокровищ собраны покойным графом Александром Сергеевичем во время продолжительной и деятельной его жизни”.

“Не им ли построен дом?” – спросила г-жа Доброва.

“Нет, отцом его, в царствование императрицы Елисаветы Петровны, по чертежу знаменитого архитектора графа Растрелли.

Знаете ли Вы, как иностранцы называют Невский проспект? Улица *Веротерпимости* (Toleranz-Strasse). И в самом деле, я не знаю ни одного города в Европе, в котором бы на одной улице находилось столько церквей различных вероисповеданий”.

“Это правда, – сказала г-жа Доброва, – но мне стыдно Вам признаться, что я не знаю какому вероисповеданию принадлежат сии церкви, и Вы меня одолжите, если не поленитесь рассказать”.

“Очень рад. Напротив дома графа Строганова находится голландская реформатская.¹¹ В Большой Конюшенной, почти на углу Невского проспекта, на левой стороне, Вы видите французскую и немецкую реформатскую церковь,¹² а напротив оной евангелические церкви шведского и финского приходов.¹³ Евангелическая церковь Св. Петра, во-первых, замечательна тем, что она построена по чертежу знаменитого фельдмаршала графа Миниха, и заложена им же самим,¹⁴ а, во-вторых,

¹⁰ Catalogue raisonné des tableaux, qui composent la collection du Comte A. de Stroganoff, à St. Pétersbourg. 1800. in 8.

¹¹ Построенная в 1730 году.

¹² С 1708 по 1723 год иностранцы лютеранского и реформатского исповеданий, которые жили поблизости Адмиралтейства, отправляли богослужение поочередно в доме адмирала Корнелия Крюйза. В 1723 г. основан приход французского реформатского исповедания стараниями двух принцев Гессен-Готторпских, находившихся в российской службе, прусского посланника Мердефельда, генералов: Лефорша, Дюпре, Декуллона и других. В 1731 г. построена была в сем месте деревянная церковь, сгоревшая в 1762 г., а в 1770 г. построена каменная.

¹³ Общая деревянная церковь построена в 1738 году. Шведский приход отделился от финского в 1745 году. Шведская каменная церковь построена в 1767 году, финская – в 1803 году.

¹⁴ Прежде существовала здесь деревянная церковь, построенная в 1708 году. Нынешняя заложена в 1728 году, освящена в 1738 году при императрице Анне

по находящемуся при ней главному Немецкому училищу,¹⁵ в котором обучаются за самую умеренную плату дети обоего пола почти всех здешних иностранцев и многих русских чиновников. Можно утвердительно сказать, что, исключая казенные заведения, Петровское училище есть самое лучшее и самое полезное педагогическое учреждение. Кроме получаемого здесь образования, весьма полезно и то, что дети различных сословий сближаются между собою силою привычки и дружества, которые иногда в продолжение целой жизни приносят усладительные плоды для общей пользы. Я видел однажды чиновника, украшенного орденами, который дружески беседовал в магазине с купцом, своим сотоварищем по училищу, и знаю несколько случаев, в которых школьные друзья выручали из несчастья старых своих товарищей, принадлежащих к высшему сословию.

Вот католическая церковь, одно из лучших зданий на Невском проспекте.¹⁶ При ней также находится школа, состоящая ныне во владении монахов Доминиканского ордена. Церковь сия замечательна тем, что в ней покоятся бранные останки героя Моро и польского короля Станислава Августа.

Далее, следуя левою стороною улицы, Вы видите армянскую церковь, заключающую ряд иностранных церквей, находящихся между Полицейским и Аничковым мостами.¹⁷

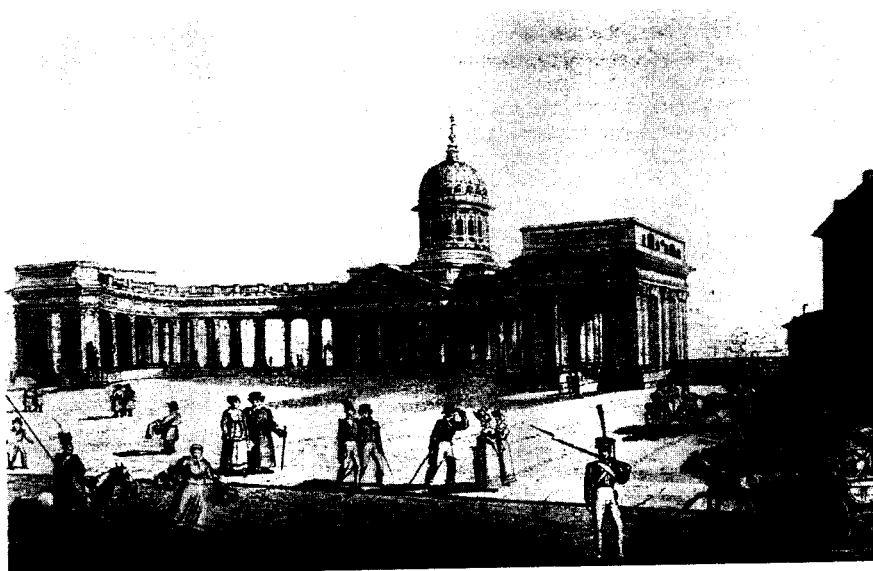
Иоанновне, которая пожаловала 1000 рублей на постройку органов.

¹⁵ Основано в 1760-1762 годах. *Императрица Екатерина II* пожаловала 2000 руб. Наследник престола Великий князь *Павел Петрович* – 1000 руб. Из частных лиц: купец Штегельман – 12000 руб., статский советник Штелин – 8000 руб. и многие другие.

¹⁶ Она заложена в 1763 году, и стоила в то время 105000 руб. Римский император Иосиф пожаловал на построение оной 8000 руб. Польский король Станислав Август – 1000 руб., остальная сумма собрана из добровольных пожертвований католиков. Прежде сего католическая церковь была на Дворцовой набережной и сгорела в 1737 году. Нынешняя освящена в 1785 г. папским нунцием Аркети и митрополитом Сестренцевичем-Богушем.

¹⁷ Армянский приход существует в С. Петербурге с 1710 года, и прихожане собирались прежде для богослужения в общественном доме на Васильевском острове. Нынешняя церковь основана в 1771 году щедростию покойного действительного статского советника Лазарева, который пожертвовал на построение церкви 35000 руб., а на покупку места и на построение домов – 80000 руб. Сей храм освящен архиепископом Иосифом в 1782 году. Здесь должно заметить, что во всех богоугодных и полезных заведениях для армянского народа мы всегда в первом месте встречаем фамилию Лазаревых.

На всем этом пространстве находится одна только русская соборная церковь Казанская Божия Матери, превосходящая все прочие своим богатством, красотой и величественною архитектурой. Это незабвенный памятник царствования *императора Александра I*, украсившего сей храм трофеями, приобретенными [победами?] над врагом, коего могущество сокрушилось о твердый щит веры и любви к *государю* и отечеству верного русского народа. Я говорю о неприятельских знаменах, находящихся в Казанском соборе, ключах покоренных городов и жезлах французских фельдмаршалов. Мы слишком близки к сим великим происшествиям, чтобы судить об оных с должным хладнокровием, но потомство с удивлением будет вспоминать историю первой четверти XIX столетия, и достойно оценит подвиги свих предков. Под трофеями народной славы почит прах фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского, избранного *монархом* в Отечественную войну для исполнения великих его пред-

Казанский собор. Литография. 1820-е гг.

начертаний. Храм сей построен русским архитектором, надворным советником Ворониным, учеником С. Петербургской Академии Художеств, под надзором комитета, учрежденного под председательством графа А. С. Строганова”.¹⁸

“Благодарю Вас, – сказала г-жа Доброва, – что Вы мне дали хотя малое понятие о находящихся здесь церквах”.

“Я должен Вам сказать, кстати, – продолжал я, – что если эта улица приобрела себе название *Веротерпимости*, то без сомнения заслуживает равномерно наименование – улицы *гостеприимства*. Посмотрите, как наш Гостиный двор осажден разнородными магазинами, которые, подобно титанам, хотевшим согнать с Олимпа благодетельствовавших им богов, угрожают русским купцам уединением под их обширными сводами и купленными в Гостином дворе товарами привлекают к себе толпы легковерных покупателей”.

“Но Вы, конечно, говорите не об всех магазинах?” – спросила г-жа Доброва.

“Без сомнения”.

“Итак, назовите мне лучшие, не упоминая вовсе о прочих”.

“Очень рад, сударыня”.

“Но погодите, мне надобно зайти в этот магазин, – сказала, улыбаясь, г-жа Доброва. – Не бойтесь и не хмурьтесь. Я читала Вашу ‘Модную лавку’,¹⁹ дала себе слово исправиться и на первый случай отказаться от всех вещей, которые можно сделать дома, определив отдавать неимущим деньги, следующие за *фасон*. Мне надобно бальное платье, и моя домашняя швея еще не достигла этой степени совершенства”.

“Согласен, и на этом условии готов дожидаться Вас на улице”.

Я сел на скамью и занялся рассматриванием прохожих. Я не совсем верю Лаватеру, чтобы по чертам лица, по походке и по почерку письма можно бы узнавать характер и душевные свойства человека, но совершенно уверен, что по сим приметам можно постигнуть мысли и чувствования, занимающие человека в минуту делаемых над ним наблюдений.

¹⁸ Прежняя церковь Казанския Богоматери основана при императрице Анне Иоанновне в 1732 году. Она была каменная, с деревянною колокольнею, имевшею вышиною со шпиком 28 сажень. На колокольне били часы в колокол по стенным часам, находившимся внутри церкви. В сей церкви, от начала построения оной, совершались молебствия во все торжественные случаи, и с 1745 г. сочетавались браком *высочайшие особы Императорского Дома*. Нынешняя церковь заложена в 1801 году, освящена в 1811 году.

¹⁹ См. “Полярную звезду” 1824 года.

Всякой примечает легко в лице другого изображение грубых страстей, как то: гнева, досады, громкой радости, сильной привязанности и проч. Но надобны большая привычка и некоторое искусство, чтобы в чертах лица, взорах, походке и движениях заметить страсти утонченные, которые от первых грубых начал разделились на многие отрасли в людях образованных, и сокрываются под общим покровом приличий, непроницаемым для неопытного глаза.

Посмотрите, например, как эта женщина, проходя мимо другой, бросает быстрый на нее взгляд, и одним взором обнимает всю ее наружность со шляпкою, шалью и бархатным капюшоном. Этот магический взгляд имеет такую силу, что кажется, подобно магниту, готов привлечь к себе все богатство убранства. Вы думаете, что это зависть? Нет, это женская сущность. Этот взгляд сопровождается какою-то полугорькою улыбкою, которая, однако ж, изображает не призрение, но самодовольство. Эта улыбка означает слова: хоть я не имею такого богатого наряда, но я лучше!

Неужели Вы думаете, что эти потупленные взоры, изредка бросаемые вверх, и эта коротенькая поступь, означают скромность? Нет, это ремесло скромности. Невинность не знает всех сих уловок, и смотрит смело, не предполагая никакого умысла. Только нескромность других заставляет ее краснеть и потуплять глаза.

Этот озабоченный человек, который с таким напряжением смотрит в толпу, идущих к нему на встречу, чтобы не прозевать поклониться нужным людям, – верно или имеет тяжбу, или ищет места. Кажется, что от него немного ожидают взаимности, потому что на его низкие поклоны и полное обнажение головы едва отвечают легким движением шеи. Но посмотрите, как он вдруг выпрямился, как величественно поднял голову, сощурил глаза, и как, мастерски раздувая щеки, освежает грудь свою эоловским дыханием. Понимаю. Он встретил человека, который имеет в нем нужду: это метода взаимного обучения. Я всегда узнаю купца, в какой бы он ни был одежде и в каком бы ни был месте. Не знаю, по какому чувству проницания я всегда примечаю в чертах озабоченного расчетами лица оттенки прейскуранта, дебиту и кредиту, которые, тяжело оседая на душе, отражаются в игре физиогномии.

Вот два купца встретились: один толст, свеж и румян, одет богато и весел; другой одет небрежно, бледен, худощав и задумчив. Посмотрите, с какою гордостью румяный купец принимает вежливости бледного. Вы подумаете, что сей последний имеет нужду в первом? Правда! Но какого рода нужду? Этот задумчивый едва только ухватился за колесо фортуны, его еще беспокоят бури и почтовые дни (дни, проведенные в почтовых

карем на трактах – А. К.), а другой уже свалился с колеса – но с полным мешком. Он при кораблекрушении пользуется остатками разбитого суда, как дикие – утесистых берегов Африки, то есть: он промышляет банкротством, теряет во всех коммерческих оборотах, а жена его и дети покупают дома. Китайские тени! Худощавый купец просит румяного, чтобы он избавил его от подводных камней конкурса. Тщетные мольбы! Что попало в расчет, того и весь род человеческий не выпросит!

Этот господин, идущий с богато убранною дамою, который неохотно кланяется скромно одетым людям, прежним своим знакомым, и нежно приветствует новых приятелей, по недавности связи едва узнающих его, – есть бедняк, женившийся на миллионном приданом. Он хочет забыть сам и заставить других забыть о прежнем своем состоянии. Я, может быть, не угадал бы о его намерении, если б он не так часто оглядывался на свой великолепный экипаж, и не так часто приказывал своему кучеру, то дожидаться, то следовать за собою.

Посмотрите, как гордо выступает этот юноша, и с каким довольным видом он ищет взорами своих знакомых, – это поэт, напечатавший стихи свои в журнале. Ему кажется, что эхо типографских станков разнеслось по вселенной, и что вся публика нетерпеливо желает увидеть автора прекрасного произведения. Для этого-то он с утра здесь прогуливается. Если б он знал... но я даже мысленно не хочу тревожить его невинного наслаждения. Я воображаю себе, с каким восторгом он будет внимать похвалам своих друзей, которые станут величать его Горацием и Анакреоном. Вот он встретился с журналистом, и очень вежливо его приветствует, и тот в свою очередь кланяется прославленному стихотворцу, который не замечает его и снимает шляпу – перед пустою каретою с раззолоченным гербом на дверцах.

Если б мне завязали глаза, то я бы, кажется, по одному шарканью и тесноте узнал, что здесь появился человек, проживающий тысяч полтора в год, имеющий прелестных дочерей, дающий блестящие балы и вкусные обеды. Молодые люди, гастрономы, рассеянные в свете, и даже ученые, нарочно сворачивают с дороги, чтобы встретиться с ним, и заплатить за пригласительный билет самым сердечным приветствием.

Но вот совсем некстати появился человек, который, подобно убийственному ветру Аравийской пустыни, разгоняет толпы. Кажется, что этот человек ищет своих кредиторов, чтобы припомнить им о наступающих сроках векселей. От него не отворачиваются, а прячутся, и если нельзя избежать, то показывают, что слишком заняты важным разговором – о погоде.

Я хотел продолжать мои наблюдения, но г-жа Доброва вышла из магазина, и я должен был отложить [их?] до другого времени.

“Прошу Вас исполнить обещание и наименовать мне лучшие магазины” – сказала она.

“И другие заведения, служащие к пользе и удовольствию” – примолвил г. Добров.

“Извольте, начинаю с магазинов”.

“Обещать гораздо легче, нежели выполнить, и я право затрудняюсь, каким образом сдержать мое слово, и сказать что-нибудь о магазинах.

Глаза мои разбегаются по множеству разноцветных вывесок, коими испещрены стены всех домов, и мои сведения в иностранных языках совершенно мне бесполезны для истолкования надписей, начертанных рукою промышленности, которая, для вступления в храм счастья, не имеет надобности в грамматике. Здесь точно, как лесу: невозможно исчислить в порядке разнородных деревьев.

К тому же, большая часть магазинов так сходны между собою, что кто был в одном, тот имеет понятие обо всех.

Невский проспект 1830-е гг. Литография

Порядочно уложенные в стеклянном ящике галантерейные вещи, из коих самые дорогие продаются по комиссии. Тульские бритвы, ножики, черепашковые гребни, разносимые также русскими мужичками по домам, духи и помада (с французскими бессмысленными надписями и означением города Парижа),²⁰ платочки, ленты и перчатки из Гостиного двора, а для украшения магазина несколько бронзовых часов и гипсовых ваз, взятых напрокат, – вот сокровища множества *иностранных* магазинов, в коих не *русское* – есть сам только хозяин или хозяйка”.

“Полно, так ли?” – сказала г-жа Доброва.

“Скажу Вам более: поверите ли, что все эти прозрачные платья, все эти воздушные одежды, которые чрез цельные стекла пленяют взоры прекрасного пола, производят свою родословную прямо из Гостиного двора. Ваши тюли, газы, крепы, петинеты, кружева, ленты и словом, – все *нежное* продается почти исключительно в Гостином дворе, и переходит в нежные руки модных торговек из крепких мышц русских купцов”.

“Этого я не знала?”

“Ах, если б Вы все знали! Но я умолчу вовсе о модных лавках, которые принадлежат к ремеслам, а не к торговле, ибо главное их занятие состоит в шитье и приготовлении уборов из русских товаров русскими швеями, по образцу французских картинок, под надзором французских мадамов”.

“Итак, скажите нам что-нибудь о Гостином дворе?” – промолвил г-н Добров.

“На это надобно много времени, и я обещаю предпринять особенное *путешествие* в *Гостиный двор*, в котором я, однако ж, не люблю часто прохаживаться”.

“Как? Вы такой приверженец Гостиного двора, всегдашний его защитник и поборник!” – возразил г. Добров.

“Это правда, но я не люблю беспрестанных вопросов: ‘Чего Вам угодно-с?’, ‘Чего Вам надо-с?’ Вопросов, которыми вас осыпают со всех сторон, лишь только вы украдкой взглянете на лавку. Это вежливое с, превращаясь в несносное для ушей *шиканье*, изгоняет из-под прекрасных сводов Гостиного двора всякого любопытного посетителя. Почему бы не ожидать скромно у дверей своей лавки, пока покупатель сам спросит то-

²⁰ Большая часть духов и помады, продаваемых с французскими надписями, делается у г. Герке, в доме Петропавловской евангелической церкви. Г. Герке слишком тридцать лет содержит фабрику, которая не уступает лучшим сего рода заведениям во Франции.

варов? Неужели купцы думают, что перебегая дорогу, снимая шляпу, кланяясь и делая неуместные вопросы с протяжным *шиканием* в конце речи, можно заставить человека войти в лавку и купить ненужную для него вещь?”

“Вы совершенно правы, – сказала г-жа Доброва. – Эта несносная докучливость и торгование отвращают от Гостиного двора покупателей. Посоветуйте гостинодворским купцам, которым Вы желаете столько добра, чтоб они сделали известную таксу своим товарам, повесили на стене (так, как я видела это в русском магазине г. Чурсинова, в доме Казанского собора, под Ключаревым), и попросите их, чтоб они запретили своим сидельцам останавливать прохожих своею приторною вежливостью. Вы увидите, что это принесет неисчислимые выгоды, и Гостиный двор, подобно Палеролю, сделается местом прогулки, особенно в ненастное время, тем более, что ныне слышно, будто из лавок Гостиного двора намерены сделать магазины с стеклянными дверями, которые будут освещены по вечерам и защищаемы от непогоды стеклянными же окончинами между арками”.

“Из дружбы к русским купцам постараюсь исполнить Ваш совет, и предупредить об их собственных выгодах”.

“А между тем, назовите мне иностранные магазины, где торгуют отдельно какими-нибудь предметами. Например, где я могу купить лучшие бумажные и шелковые изделия?”

“В доме г. Лубье, у г. *Фельдмана* находится склад (*dépôt*) шелковых товаров французских фабрик, а кроме того и щегольское убранство его магазина заслуживает внимание. Те же самые товары Вы можете достать и у г. *Лангганса*, в доме Таля, где продаются также всякого рода ситцы и бумажные изделия, или в доме Казанского собора, у г. *Ключарева*, который, сверх всех вышеупомянутых товаров, торгует также сукнами. Но если Вам угодно иметь отличные сукна российской фабрики, то я советую Вам посмотреть оные в магазине, состоящем в доме Марса. Здесь находятся изделия так называемой Охтинской фабрики, принадлежавшей барону Ралю, а ныне составляющей собственность графа Комаровского. Сукна не уступают в доброте французским, особенно черное не хуже седанского”.

“Кажется, что у *Ключарева* можно найти также столовое белье?” – сказала г-жа Доброва.

“Вероятно, но мне известны два особенные магазина для продажи столового белья и всякого рода полотен: один г. *Нейенгана*, в доме Меньева, а другой в доме Таля, составляющий второе отделение магазина г. Лангганса”.

“Где бы мне найти железные товары?” – спросил г. Добров.

“У *Сатисфильда и Компании*, в доме Марса, у г. *Гезе*, в доме Бера, и в доме Глазунова, у г. *Тангета*. У сего последнего Вы можете получать лучшие оптические и математические инструменты”.

“Я купил оные у *Босетти*, в доме Шарова, – отвечал г. Добров, – будучи привлечен в магазине прекрасными эстампами, выставляемыми в окнах”.

“Вы не ошиблись, ибо и у *Босетти* находятся очень хорошие вещи.

Что же касается до картин и эстампов, то советую Вам заглянуть в бывший малый Английский магазин, в доме Вольного экономического общества”.²¹

“Где Вы мне советуете купить часы?” – спросил г. Добров.

“Во всяком магазине их множество, но если хотите иметь дело с часовым мастером, который Вам поручится на целый год за исправность проданной вещи, то рекомендую Вам г. *Винтергалтера*, в доме католической церкви. Если Вам угодно купить цепочку, печатки и даже бриллианты, то ступайте к г. *Арндту*, в доме Катомина. Его работа весьма уважается даже за границею, а в пробе золота и в доброте камней Вы можете верить его слову”.

“Я давно намереваюсь украсить мой кабинет несколькими бронзовыми вещами, – сказала г-жа Доброва, – итак, где, по Вашему мнению, можно достать самых лучших?”

“На Невском проспекте три магазина славятся бронзовыми товарами, а именно: г. *Корбио*, в доме голландской церкви, г. *Анжело*, в доме Шарона, и г. *Лоренцини*, в другом доме голландской церкви. У них же продается и французский фарфор, который равномерно можете получить у г. *Курвоазие*, в доме Полонского. А как к бронзам и часам необходимы богатые мебели, то посмотрите оные у *Баумана*, в доме Котомина, у коего соединяется со вкусом прочность работы.

²¹ Вольное экономическое общество основано в 1765 году, по предложению графа Романа Ларионовича Воронцова и графа (бывшего потом светлейшим князем) Григория Григорьевича Орлова, к коим присоединилось пятнадцать знаменитых патриотов. Прежде общество собиралось в доме основателя оногo, графа Воронцова, где ныне Пажеский корпус, но вскоре выстроило свой собственный дом, на углу Невского проспекта, из добровольных складов господ членов. Императрица Екатерина II, утвердив устав оногo, пожаловала на постройку дома 6000 рублей, и повелела на своем иждивении печатать труды общества, которое ныне находится в самом цветущем состоянии.

Но нельзя ли меня избавить от скучного наименования магазинов, которые занимательны только для покупателей, а еще более для продавцов. Я бы охотнее приступил к наблюдению над толпою гуляющих, которых физиогномии и приемы развлекают меня, и открывают некоторые нравственные истины. С Вашим наблюдательным умом и *женскою проницательностью*, – промолвил я, обращаясь к г-же Добровой, – Вы бы мне оказали большую помощь”.

“Женские наблюдения, – сказала она, – имеют особенное свойство и различны от замечаний опытной мудрости мужского пола, хотя по большей части вернее. Тончайшие чувства, знаменующие характер человека, неприметны для глаз мужчины, и поверьте, что мы видим вещи, о которых Вы, при всей Вашей философии, не имеете никакого понятия”.

“В этом я совершенно уверен, и потому буду просить Вас, если не написать, то по крайней мере продиктовать мне статейку”.

“Сохрани Боже! – воскликнула г-жа Доброва. – Наши наблюдения составляют тайну и могут поверяться одним только женщинам”.

Невский проспект 1810 гг. Литография. За Полицейским мостом, на правой стороне трехэтажный дом с вывеской знаменитого кафе Вольфа

“Я полагаю, что эта тайна столь же хорошо сохранится в моем журнале, как между Вашими хорошенькими приятельницами. Притом, здесь та выгода, что в журнале будут читать только те, которые пожелают сами, а женские тайны открываются иногда тем даже, которые вовсе знать их не хотят”.

“Оставьте эпиграммы, – возразила г-жа Доброва, – и продолжайте Ваш рассказ о магазинах”.

“С тем, чтобы Вы мне поверили Ваши наблюдения”.

“Хорошо, – сказала, улыбаясь, г-жа Доброва, – на досуге исполню Ваше желание. А теперь продолжайте”.

“Я намерен кончить ряд отличных, известных мне магазинов, наименованием трех лучших заведений в сем роде, не только на Невском проспекте, не только в Петербурге, но в целой России.

*Первое: Склад фарфоровых и стеклянных изделий казенных фабрик,*²² под аркадами Аничковского дворца. Сверх красоты и отличного качества всех вообще изделий сих фабрик, они приносят три существенные выгоды для России: 1. Умножают число искусных мастеров в отечестве. 2. В скором времени удовлетворяют потребностям роскоши, которая, при нынешнем состоянии образования, есть вещь неизбежная и даже безвредная, если она не составляет главного предмета издержек богатого человека. 3. Уменьшают вывоз капиталов за границу на покупку вещей, которые столь хорошо делаются дома”.

“Это третье обстоятельство, – возразил г. Добров, – будет действительно в таком только случае, когда наши богачи, любящие вообще подражание, последуют примеру англичан, которые из благородной национальной гордости, единственно тогда прибегают к иностранным изделиям, когда имеют совершенный недостаток в собственных. Вот одно средство,

²² Казенный фарфоровый завод находится на левом берегу Невы, в восьми верстах от Петербурга, по Шлиссельбургской дороге. Основан в 1756 году при императрице Елисавете, увеличен в 1786 г. при императрице Екатерине II, усовершенствован при императоре Павле I в 1800 году. Глина получается из Чебаркула, что в Уральских горах, и из Глухова на Украине, а полевой шпат и кварц – из Олонца. Почти все мастера здесь русские. Стеклянные заводы основаны частным человеком в Ямбурге, при Петре Великом, перенесены в Петербург в 1735 году, поступили в казенное ведомство, и устроены в одной деревне на берегу Ладожского канала в 1755 году. В 1777 г. они отданы в ведение князю Потемкину-Таврическому, и с того времени начинается их постепенное усовершенствование: в 1779-1783 годах стеклянная и зеркальная фабрики переведены в Озерки, на левый берег Невы, поблизости Невского монастыря, а ныне доведены до возможной степени совершенства.

которым истинный патриот может споспешествовать цветущему состоянию народной промышленности”.

“Оставьте этот предмет, – сказала г-жа Доброва, – об оном столь много было говорено и писано”.

“Прибавь, без всякой пользы” – примолвил ее муж.

“Кстати, – примолвила г-жа Доброва, – скажите мне, когда и кем построен Аничковский дворец, которого красоте я всегда удивляюсь, красоте, происходящей не от великолепия архитектуры, но от соразмерности частей, от этой гармонии в целом, составляющей истинную прелесть”.

“Дворец сей сооружен,²³ по повелению *императрицы Елисаветы Петровны*, знаменитым архитектором графом Растрелли и подарен ею обер-егермейстеру и камергеру Высочайшего Двора графу А. Г. Разумовскому. Здесь скончался сей вельможа, а после его смерти дворец куплен в казну и получил название Аничковского, от близлежащего моста его имени.²⁴ *Императрица Екатерина II* подарила дворец сей князю Потемкину-Таврическому. Он, однако ж, никогда не жил в оном. После его кончины²⁵ дворец вторично приобретен в казну и отдан в ведение императорского кабинета. Аркады Аничковского дворца построены в царствование императора Александра I.²⁶

Нынешний Малый театр составлял павильон сего дворца, и при графе Разумовском вмещал в себе его богатую картинную галерею. Впоследствии сия зала отдавалась внаймы приезжавшим в столицу виртуозам для концертов, и здесь же давали публичные балы и маскарады. По привезении из Варшавы²⁷ знаменитой библиотеки Залуских, в этом павильоне хранились в ящиках сии умственные сокровища, до построения здания императорской Публичной библиотеки.²⁸

²³ В 1748 году.

²⁴ При начале построения С. Петербурга за Аничковским мостом, по ту сторону Фонтанки, находилась слобода, называвшаяся Аничковскою.

²⁵ В 1791 году.

²⁶ В 1804 году.

²⁷ В 1795 году.

²⁸ Строеение начато пред самою кончиною *императрицы Екатерины II*, и довершено при *императоре Павле I*. Книги, числом около 300000 экземпляров, перенесены в новое здание осенью 1801 года. Директорами сей библиотеки были постепенно: В. С. Попов, М. И. Донауров, граф Шоазель-Гуфье и граф Александр Сергеевич Строганов. Библиотека приведена в систематический порядок при нынешнем директоре оной, А. Н. Оленине, которому все любители наук обязаны благодарностию за доставление средств пользоваться сими сокровищами.

Г. Казачи, бывший антрепренер итальянской труппы, с позволения правительства, устроил в этом павильоне театр по плану архитектора Бренны (Brenna). Переделка стоила в то время 30000 рублей. По истечении контракта, театр приобретен от г. Казачи в казну, и ныне состоит в ее ведомстве.

Кстати, я Вам должен прибавить, что на Невском проспекте, в царствовании императрицы Анны Иоанновны, существовал деревянный оперный дом, где представляли безденежно для всех порядочно одетых людей итальянские оперы и интермедии.²⁹ Современные записки утверждают, что не взирая на бесплатный вход, театр тогда только наполнялся зрителями, когда Высочайший Двор посещал оный. Этот деревянный театр находился против Казанского собора, где ныне дома гг. Лубье и Имсена.

Дж. Кваренги, Малый Театр. Рисунок 1811 г. Bergamo, Biblioteca Civica

²⁹ Построен в 1737 г., сгорел в 1749 г.

Обращаюсь к торговле и моему предмету: в числе трех главных заведений, о коих я упомянул выше, *второе* – есть *Английский магазин*, принадлежащий гг. *Плинке* и *Никольсу*. Все, что рассеяно во множестве разнородных магазинов и лавок, все изделия различных фабрик и промышленности, находятся здесь в лучшем виде, лучшей доброты. От драгоценных камней до простой глины, от платины до железа, от бархату до простой байки, от шелковых материй до ситцу, – все постепенности богатства, искусства и промышленности Вы найдете здесь в разнообразных видах и превращениях. Но главная, отличительная черта сего заведения перед многими частными, есть *честность*. Пошлите ребенка, его так же примут, как вельможу, и за одинакую цену отпустят товары той же самой доброты. Если кому покажется дорого – не покупай! Но я охотно заплачу лишний рубль за уверенность, что я не обманут, и за драгоценное время, теряемое на торгование и на выбор товаров.

Сею же добродетелию славится и *третье* отличное торговое заведение, а именно: *Меховой магазин* гг. *Чаплиных*, находящийся в их собственном доме. Здесь находятся драгоценные плоды дикой промышленности сынов зимы: камчадала, алеута и канадца, т. е. великолепная и вместе спасительная одежда, заимствованная человеком от животных, щедро наделенных природою предохранительными средствами от действий климата. От оконечностей северо-восточных берегов Америки, чрез всю пространную Сибирь, Китай, Европу и Соединенные Американские штаты, – простираются отрасли обширной торговли гг. Чаплиных. Покупая у них, не надо быть знатоком, чтоб избежать обмана, потому что он считается *контрабандою* в сем заведении, и никогда не появляется в оном”.

“Я всегда с удовольствием слушаю рассказы о честности купцов, – сказал г. Добров, – и удивляюсь, как люди не могут постигнуть, что она есть душа всех оборотов и самое прочное основание благосостояния. Я слышал где-то поговорку: *обманом можно свет пройти, но воротиться нельзя*”.

“Великая истина! Человек может быть обманут только однажды, но постигнув обман, он бежит от хитреца, как от чумы. Цветущее состояние честных, благоразумных купцов, есть лучшая порука в пользу честности, не говоря о нравственности. *Английский магазин*, *Меховой* гг. *Чаплиных* и некоторые другие служат неоспоримым тому доказательством.

Теперь остается мне сказать Вам о книжных магазинах, находящихся на Невском проспекте. Г. *Плюшар*, в доме Косиковского, содержит библиотеку для чтения французских и немецких книг, сверх того, имеет свою собственную типографию и литографские станки. Вы у него можете получать и выписывать из-за границы книги, эстампы, литографии

и редкие картины отличных мастеров. Особенно работы знаменитого нашего Орловского привлекают туда множество любителей, и я вменил себе в обязанность каждую неделю посещать сей магазин, чтоб увидеть что-нибудь новое и прекрасное.

В магазине гг. *Сен-Флорана* и *Гауера*, в доме Глазунова, находятся почти все новости французской литературы и все богатейшие издания. Отец г. Сен-Флорана, французский дворянин, выехал в Россию во время ужасов Французской революции, а сам он, по страсти к книгам и литературе, избрал для себя звание книгопродавца, в котором он отличается вежливостью образованного светского человека, благородными приемами старого дворянина, и честностью негоцианта, помышляющего более о своей доброй славе, нежели о временных выгодах.

Г. Гауер, товарищ г. Сен-Флорана, следуя тем же самым правилам, пользуется равным уважением публики. Посредством гг. Сен-Флорана и Гауера Вы можете также выписывать почти все французские сочинения из Парижа.

В магазине *И. В. Сленина*, в доме Кусовникова, находятся французские классические и все новые русские книги и журналы. Г. Сленин есть также книгопродавец по страсти к литературе. Отец его торговал винами, но видя в сыне своем непреодолимое желание учиться иностранным языкам и заниматься чтением, позволил ему следовать душевному влечению. И. В. Сленин, хотя поздно начал учиться, но знает очень хорошо французский язык, понимает немецкий, и пламенно любит российскую словесность. Сперва он торговал в Гостином дворе вместе с братом своим, а с 1817 года основал свой собственный магазин, и занялся изданием полезных книг. Второе издание осми томов “Истории государства Российского” и первое издание девятого тома со всеми издержками – требовали капитала около 165000 рублей. Этот общепользный и славный подвиг несколько удержал полет предприимчивого духа Сленина и заставил его уменьшить круг иностранной торговли. Но деятельность Сленина в сие время нашла себе пищу на поприще отечественной литературы, и он, между тем, занимался изданием полезных исторических и географических книг на русском языке, которые не требовали столь больших издержек, как иностранные сношения. Должно заметить, что поныне Сленин не издал ни одного романа, песенника и подобных им сочинений, которые, как известно, у нас гораздо скорее и охотнее раскупаются, нежели ученые книги. Это ясно доказывает его добрые намерения и любовь к общему благу. Ныне Сленин возобновил прежние свои сношения с Парижем, и вообще должно ожидать много пользы от сего сочетания российской книжной торговли с иностранною. В магазин Сленина заходят

отдыхать после трудов многие русские литераторы. Я был свидетелем нескольких весьма забавных сцен между сочинителями книг и покупателями оных, которые, не зная первых в лицо и не имея понятия об авторском самолюбии, с чистосердечием излагали свои суждения о произведениях словесности гораздо строже и справедливее, нежели во многих наших журнальных критиках”.

“Расскажите нам что-нибудь об этом” – сказала г-жа Доброва.

“Потерпите, Вы вскоре увидите несколько подобных сцен в моем журнале, если другие не воспользуются моим намеком и не напечатают прежде меня”.

“Но что Вы не говорите нам о других книжных лавках?” – спросил г-н Добров.

“Это не принадлежит к Невскому проспекту, и я намерен просить Вас прогуляться со мною в другой раз по всем книжным лавкам. Тогда я в полной мере удовлетворю Ваше любопытство о сем предмете, и поговорю пространнее о книжной торговле”.

Modes de Paris. 1820-е – 1830-е гг. Литография

“При всем моем желании поучаться в Вашей беседе, – сказала г-жа Доброва, – я едва ли буду сопутствовать Вам в другой части города. Пусть мода переносит публичное гульбище на Фонтанку или на Английскую набережную, – я останусь на Невском проспекте, где деятельность и всегдашнее движение меня развлекают”.

“Но если гульбище установится в другом месте, то сие же самое движение и эти экипажи перейдут туда вместе с модою. Богатые экипажи новобрачных, и, как говорится, наново заводящихся домом, появляются здесь не для Невского проспекта, а для зрителей”.

“Но перейдет ли туда это богатство, искушающее человеческую суетность, чрез окна магазинов? – возразил г-н Добров. – Эти бронзы, шляпки, токи и турецкие шали,³⁰ которые видом своим освежают роскошные мечты прекрасного пола, и часто, возбуждая желание иметь оные, решают выбор супругов”.

“О, как ты проницателен! – сказала, усмехаясь, г-жа Доброва своему мужу. – Позволь же и мне заметить, что нередко эти богатые испанские плащи, дорогие бобровые или собольи воротники, и великолепные экипажи, заставляют также мужчин жениться *арифметически*”.

“Правда, правда, – сказал г. Добров, – суетность есть принадлежность человечества, а не пола, и я охотно прекращаю наш разговор, чтобы избежать эпиграмм”.

“Кроме всех выгод для гульбища на Невском проспекте, – сказала г-жа Доброва, – где Вы мне найдете такое обширное место, уподобляющееся более пространной площади, нежели улице, и этот широкий тротуар, который представлял бы совершенство в своем роде, если б природа сжалась над этими прекрасными деревьями и убрала их листьями”.

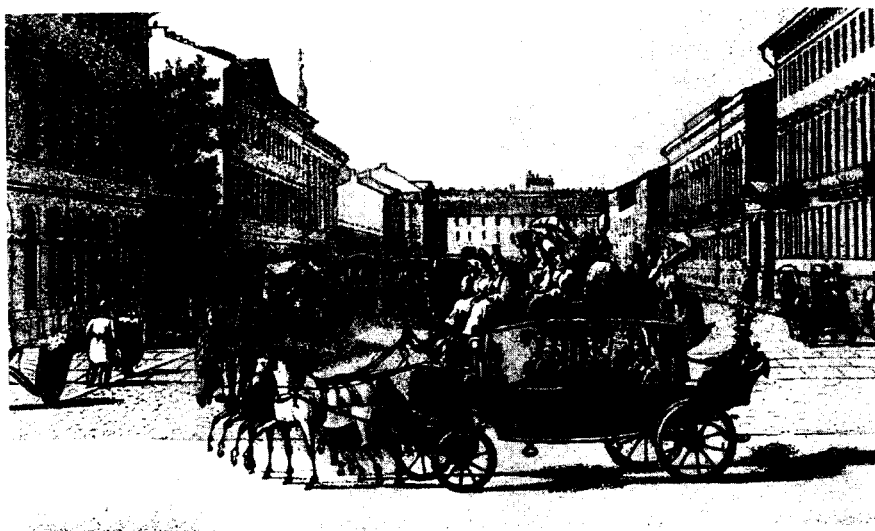
“Ваше замечание об обширности Невского проспекта, – сказал я, – приводит мне на память забавный анекдот, который послужит новым доказательством, что достоинство вещей бывает всегда относительно к нашим понятиям. Одного из старшин кочевого калмыцкого поколения спрашивали: нравится ли ему Петербург? – Хорошо, – отвечал он, – все

³⁰ О магазинах турецких шалей я вовсе не упоминаю, ибо между ними нет ни первого, ни последнего, но не могу умолчать о новом заведении сего рода, и именно: о магазине английских шалей, в доме Клоссена, принадлежащем г. *Зауерсу*, имеющему свою собственную фабрику в Шотландии. Красотою сии шали едва ли не превосходят турецкие, а дешевость дает им преимущества. Здесь находятся шали от 175 рублей до 500 рублей. Почему бы в России не завести подобной фабрики, и тем удержать вывоз золота в магометанские области, ибо шали не покупаются на месте иначе, как на золото.

хорошо, да жить тесно. – Как тесно! – возразили ему. – Знаете ли Вы, что Петербург по широте своих улиц почитается первым городом в мире? – Может быть, – сказал калмык, – но мне тесно. – Растолкуйте, пожалуйста, в чем Вы находите тесноту? – Например, я хочу идти направо – стена, хочу поворотить влево – опять стена, намерен идти прямо – опять стена, – одним словом, тесно! Напротив того, у нас, когда захочешь прогуляться, садись на коня и скачи тридцать верст вперед или в сторону – без всякой помехи. Вот что называется простор!”

“Это показывает умеренность желаний образованных европейцев, – сказала г-жа Доброва, – когда тысячи довольствуются для своей прогулки одною стороною улицы, между тем, как для одного дикого сына природы потребна целая степь”.

“Так! Но заметьте, что европейцу, довольствующемуся одною стороною улицы для прогулки, часто бывает тесно в обширном поместье, и если б Вам случилось когда-нибудь читать тяжёлые бумаги по межевым делам, то Вы бы уверились в противном”.

Омнибус. “Панорама Невского проспекта”. Литография
П. Иванова по рисунку В. С. Садовникова. 1835

Между тем ударило три часа, и толпы сделались реже на тротуаре. Г-жа Доброва пригласила меня к обеду, и мы, проводив ее до кареты, вознамерились с мужем ее пойти пешком.

“Зайдемте в кондитерскую, – сказал г-н Добров, – чтоб подкрепить себя чем-нибудь после прогулки. По Вашему описанию надобно зайти в новый парижский кофейный дом”.

“Подтверждаю сказанное мною, – отвечал я, – но я имею свои привычки и посещаю только доброго, честного швейцарца Вольфа (в доме Котомина, под колоннадою), который слишком пятнадцать лет занимается своим ремеслом, и заслужил уважение посетителей своею честностию и добротою своих товаров. К тому же, здесь можно найти все русские журналы и множество иностранных, из коих некоторые развлекают меня, другие поучают, а иные смешат и возбуждают благородное чувство – сострадания к бедности”.

Мы вошли в кондитерскую и уселись под окном, из коего Невский проспект виден во всю длину его от Полицейского моста.

“Странно, – сказал г-н Добров, – что в Петербурге, где так много иностранцев, нет обыкновения обедать и завтракать в кофейных домах и трактирах, как, например, в Париже, Лондоне и прочих столицах. Там люди лучшего тону, особенно холостые, не только не стыдятся обедать в трактирах и ресторациях, напротив того, вовсе не заводят своей кухни и даже угощают в трактирах своих родственников и дам. Но зато до какого совершенства доведены эти заведения в Париже и Лондоне!”

“Это обыкновение чуждаться общественных сего рода заведений, – отвечал я, – происходит у нас от того, что наше общество, так сказать, разделено на множество отдельных кругов, из коих ни один человек не хочет выйти за черту и попасть в другой круг. К тому же, у нас почти всякой занят какою-нибудь должностию: начальники и подчиненные не могли бы сходиться часто в одном месте, не беспокоя друг друга. Кроме того, наше гостеприимство служит большою преградою цветущему состоянию трактиров. Имея семь знакомых домов, благовоспитанный человек не только не будет в тягость хозяевам, посещая их однажды в неделю, напротив того, принесет им удовольствие. Что же касается трактиров, то хотя у нас, в сравнении с другими столицами, очень немного, но есть очень хорошие, например...”

“Постойте! – воскликнул г-н Добров. – Если кто-нибудь услышит, что мы разговариваем о трактирах, то назовет нас людьми *дурного тона*”.

“Не опасайтесь этого, – отвечал я, – надобно знать, с какою целью кто посещает трактиры. Можно ли почесть дурным, если человек за соб-

ственные *благоприобретенные* деньги удовлетворяет первой жизненной потребности? К тому же, все наши путешественники, и даже самые романтические писатели, пространно описывают места, прославленные (так они думают) их обедами, ужинами и питьем кофе. В сих описаниях Вы найдете даже начертание оклада лица трактирщицы или служанки, и исчисление всех блюд, которые удовлетворяли пиитический аппетит чувствительных путешественников. Я не только не стыжусь говорить о сем предмете, но даже намерен угостить Вас у г. *Дебиля*, в трактире 'Лондон', находящемся в доме Вебера, на углу Невского проспекта, где прекрасный французский легкий и вкусный стол припомнит Вам парижскую Вашу жизнь, или в ресторации г. *Талона*, в доме Косиковского, который, по примеру знаменитого Вери, в полной мере удовлетворит все Ваши гастрономические прихоти".

"Какой же это другой 'Лондон', в доме Меняева на углу Морской?" – спросил г-н Добров.

"Вывески легче переносить, нежели строить города и потому прежний хозяин 'Лондона', уступив г. Дебилю место, удержал прежнее название своего заведения, к которому многие привыкли. Здесь за весьма умеренную плату угощают вас русскими кушаньями, усовершенствованными влиянием иностранной кухни. В сем трактире замечательно то, что он разделен на две половины коридором: в одной помещаются чиновники и все, так называемые *господа*, там прислуга и все устройство европейское; в другой – собирается русское купечество в народных своих костюмах, и все представляет образец русской старины, с прибавлением великолепия комнат и необыкновенной чистоты. Это переносит Вас мысленно в исторический мир, и припоминает обыкновения двух царствований, разделенных между собою чертою европейской образованности: царствования царя *Алексея Михайловича* и императора *Петра Великого*".

Г. Добров припомнил мне, что жена его ожидает нас к обеду, и мы отправились. За столом хозяйка при гостях начала благодарить меня за мою, как она называла, службу в должности чичероне,³¹ и просила вперед сопутствовать ей при посещении различных любопытных заведений столицы. Некоторые дамы и даже мужчины повторили ее просьбу, и я должен был обещать исполнить их желание.

"Послушайте меня, – сказал г. Добров, – напечатайте все, что мы сегодня переболтали на тротуаре Невского проспекта".

³¹ Чичероне в Италии означает путеводителя, показывающего все любопытные места, и объясняющего различные предметы по вопросам путешественника.

“Помилуйте! – воскликнул я, испугавшись этой мысли. – Меня закидают критиками и эпиграммами”.

“Неужели Вы боитесь чернильной брани? – примолвила г-жа Доброва. – К тому же, чего Вам опасаться, когда Вы никого не трогаете? Итак, печатайте!”

“Но какая будет польза? – спросил я. – Какая польза от путешествий, в которых авторы наполняют листы изливанием своих чувствований при виде горы, реки, кусточков, ручейков, и передают потомству любопытные известия, каким образом пожилая курносая немка в чепчике бранилась с пьяным мужем своим – сапожником?”

“Однако ж все это печатается, несколько раз издается и покупается”.

“Но...” – сказал я, а г. Добров, не дав мне кончить, продолжал:

“Я знаю, что Вы хотите сказать: Вы не имеете сильных покровителей, семейственных связей, знаменитых друзей, Вас могут уронить, перетолковать Ваши слова в дурную сторону, одним словом, сбить с поля. Полно, полно, старый солдат! Мужество испытается не в одних сражениях и битвах. Если Вы полагаете, что можете объявить Вашим читателям хотя одну полезную истину, возбудить хотя одно благородное чувство – печатайте!”

“Печатайте!” – повторили все гости.

И я, исполняя их требование, помещаю сию статью в “Литературных листках”, и заключаю оную известною французскою поговоркою:

Honni soit qui mal y pense!

Неизвестный художник. Здание публичной библиотеки.
Начало XIX века